

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В РУССКОМ СЛОВЕ

俄語詞彙中的時空概念

Л. А. Чижова

祁若娃*

摘要

本文以俄國經典文學作品為材料，分析俄語中《時--空》的表達。俄語在表達時空關係時，個人的主觀觀點扮演非常重要的角色，時間與空間可能被擴大，也可能被壓縮成一點。俄國人表現在語言上的思維特色是：喜動不喜靜，寄望未來，深思過去，莫視現在。此外，並以人名與地名為例，分析時空變動造成詞彙意義的改變。

В статье анализируется проявление категории "пространства—времени" в русском языке на материале классических произведений. Чрезвычайно важной оказывается субъективная оценка временной и пространственной ориентации, при этом возможно как растяжение пространства и времени, так и их коллапсирование в точку. Специфическими особенностями русского менталитета, отражающимися в языке, являются приоритет движения над покоем, устремленность в будущее, разработанность минувшего и презрение к настоящему. Анализ изменения в значении слов проводится также на примере антропонимов и топонимов.

* 本文作者為本校俄國語文學系副教授

1. Что объединяет пространство и время?

В заглавии два слова "пространство" и "время" как бы сопоставлены друг с другом, нечто якобы может их объединить и противопоставить. Чтобы избежать неточностей в толковании и слов, и проблемы, пока скрытой за этими словами, сошлюсь на мнение одного из известных литературоведов, чье наследие высоко чтут теперь, после смерти создателя, и в нашей стране, — речь идет о трудах М. Бахтина. М. Бахтин считал неразрывной категорией пространства и времени, то есть выделял одну категорию "пространства — времени", что согласуется и с физическими теориями (такова диалектика развития естественных наук от эвклида до эйнштейна), и с некоторыми философскими воззрениями. Категория времени и пространства оказывается необходимой для построения любого высказывания на естественном языке, она отражена в лексическом значении целой группы слов, чрезвычайно важной эта категория оказывается и в художественном тексте.

Загадочное соединение пространства и времени, их переплетение осязаемо в строках И. Бродского: "Чем объятия плотней, тем пространство сзади — гор, склонов, складок, простыней — больше, времени в укор" (отрывок из стихотворения И. Бродского "В горах" приводит в своей статье Л. О. Чернейко "Способы представления пространства и времени в художественном тексте" — 1).

Волшебство взаимоотношений пространства и времени — действительно предмет поэзии, но мало кто из нас обращает внимание на коловращение пространственно — временных отношений, когда мы говорим "около восьми" или "далеко за полночь", хотя предлоги и наречия типа "около" и "далеко" обычно

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В РУССКОМ СЛОВЕ

обозначают местонахождение, а не время (ср. "около деревни" или "далеко от деревни").

Грамматическая категория времени всегда предполагает противопоставление момента речи всему временному континууму, и легко объяснить, почему именно момент речи занимает столь привилегированное положение: как сам человек является точкой отсчета в процессе познания, так и субъективное ощущение важности действия — сообщения — заставляет говорящего особо отмечать момент речи. Но, надо признать, наиболее разработанным, детально представленным во всех языках оказывается не настоящее время, а прошедшее время. Так, например, было и в старославянском языке, непосредственном предшественнике русского литературного языка: в текстах 10 века предшествование моменту речи выражалось формами аориста, имперфекта, перфекта и плюсквамперфекта. Выбор временной формы со значением "до момента речи" определялся тем, как говорящий оценивал действие в прошлом — как точечное, просто факт, как действие протяженное, длительное, как действие, связанное с другим действием, или действие, результат которого предшествовал другому действию. При этом следует указать, что будущее время, в отличие от прошедшего, как бы не разработано, толкуется упрощенно, есть даже языки, таков, например, венгерский язык, в котором сравнительно недавно, уже в историческую эпоху появилась форма будущего времени.

Грамматика — дама строгая, и она карает за любое нарушение правил, но понять, а затем сформулировать эти правила — довольно сложная задача, хотя любому школьнику может показаться, что все правила сформулированы кем-то раз и навсегда, список исключений из правил задан навечно, специально чтобы усложнить жизнь всякому, кто хочет или должен говорить и писать по правилам.

Позвольте приоткрыть тайны грамматического описания и уверить, что не все так просто в нашей науке. В частности, вопреки строгим правилам, можно утверждать, что в языке нет навсегда установленных границ между настоящим и прошедшим, между настоящим и будущим. Другими словами, можно сказать, что время может сжиматься и растягиваться, терять временные границы, превращаясь в бесконечность, и самоуничтожаться, коллапсируя в точку. На самом деле, когда говорят: "*Волга впадает в Каспийское море*", — имеют в виду вовсе на момент речи: форма настоящего времени "*впадает*" обозначает и настоящее, и прошедшее, и будущее, то есть всегда было, есть и будет то, что течет великая река. А вот и другой пример: в предложении "*К нам приехал ревизор*" форма прошедшего времени означает, что в городе сейчас (!) ревизор, таким образом стираются границы между прошлым и настоящим.

Как великолепно замечено в комедии А.С.Грибоедова: "*Счастливые часов не наблюдают*", да и каждый из нас может привести немало примеров, когда время то замедляется и тянется бесконечно, а иногда стремительно летит, — как мгновение, может промелькнуть и день, и год, и жизнь.

Субъективность восприятия времени остро ощущают художники слова, поэтому вовсе не странно то, что именно в литературоведении произошел прорыв в разработке теории о пространственных и временных отношениях: например, Ю. М. Лотман противопоставляет пространство в реальном мире и попространство в художественном произведении, в котором отражена "модель мира данного автора, выраженная на языке его пространственных представлений" (2, с. 252 — 253). Им определены и дифференциальные признаки пространственной модели: ограниченность — неограниченность, направленность — ненаправленность, заостренность — раскованность,

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В РУССКОМ СЛОВЕ

прерывность – непрерывность. Легко убедиться вслед за Ю. М. Лотманом, что обыденное сознание характеризуется пространственным представлением, отмеченным признаками "замкнутость", "неподвижность", "раздробленность" (2, с. 282 – 283), а в художественном тексте возможно противопоставление пространства и времени, как, например, в другом стихотворении И. Бродского "Литовский ноктюрн: Томасу Венцлова": "Место, времени мстя за свое постоянство жильцом, постояльцем.. ."

2. Противопоставление пространства и времени

Антагонизм времени и пространства покоится на обыденном представлении о статичности места и изменчивости временного параметра, при этом не всякий предмет, обладающий местоположением, способен изменяться во времени, даже не всякое живое существо. Более того, пространство осязаемо, воспринимаемо, а время, будучи абстрактной категорией, является категорией высшего порядка, присущей только избранным. Знаменитое лермонтовское "Выхожу один я на дорогу" – яркий пример введения бесконечности как застывшего времени: для поэта, в раскрытии вечности, очевидно ощущение остановленного момента, как и в великолепных строках М. В. Ломоносова:

Открылась бездна, звезд полна,
Звездам числа нет, бездне – дна.

3. Представления разных народов о пространстве и времени

Ощущаемые поэтами нюансы взаимоотношений пространства и времени находят отражение и в других областях деятельности

человеческого духа — прежде всего в религии, мифах разного рода, фольклоре и философии. Интерес представляет разбор мифических представлений разных народов в книге А. Ф. Лосева "Философия. Мифология. Культура" (3, с. 83—99).

По мнению А. Ф. Лосева, всякий монотеизм диктует рассмотрение времени в зависимости от воли Божией, властвует будущее в текстах Священного писания не только христианства, но и в Авесте, священной книге древних персов (3, с. 83). В отличие от христианства, в древней китайской религии — таоизме (в другой транскрипции — даосизм) — утверждается главный принцип покоя. По законам этой религии необходимо породить в себе пустоту Тао, отказаться от времени, избегать изменений, которые вызывает время (3, с. 84). Таким образом христианство и таоизм по — разному трактуют отношение к времени, но, что для нас важно подчеркнуть, физическое время отрицается и в той, и в другой религии. Трудно переоценить влияние на культуру, национальный менталитет подобного рода религиозных представлений. Конечно, можно объяснить отсутствие грамматической категории времени в китайском глаголе типологическими особенностями языка аморфного типа (аморфный тип языка предполагает отсутствие словоизменения, отсутствие морфем с реляционными грамматическими значениями, в то время как в русском языке, языке флективного типа, широко представлено изменение существительных по падежам, а глаголов — по временам, лицам и числам), — так вот отсутствие грамматической категории времени в китайском глаголе, может быть, вызвано религиозными представлениями о времени, стремлением выйти из времени, сосредоточиться на стремлении к покою, неподвижности?

Высокие философские рассуждения о времени и пространстве на самом деле имеют непосредственное отношение к жизни каждого

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В РУССКОМ СЛОВЕ

конкретного человека: он, будучи Человеком, причем представителем строго определенной культурной традиции, непременно должен осознать себя во времени и пространстве. О нас, русских, часто говорят, что мы живем для будущего, терпим лишения в настоящем, голодаем, испытываем лишения, но страдания наши как бы оправданы высокой идеей, освещающей дорогу в светлое будущее. Заметьте, осознание особой отмеченности русского народа вовсе не продукт 20-го века, — эта идея восходит к славянофильству, особому философскому течению, отраженному в трудах Владимира Соловьева, Сергея Булгакова, Николая Бердяева и других русских философов.

4. Пространство и время в восприятии героев литературных произведений

Идеи славянофильства получили художественное воплощение в творчестве великих русских писателей и поэтов, причем чаще всего они не были прямыми сторонниками славянофильства, но мироощущение русского человека умели передавать с исключительной силой. Особое значение имеет творчество Ф. М. Достоевского: в его романах "Братья Карамазовы", "Бесы", "Преступление и наказание" удивительно точно востроизводится то, что мы называем тайной русской души, с ее метаниями, стремлением к красоте, со специфически русским осознанием противопоставления судьбы и рока (в русском языке даже слова разные для обозначения судьбы и рока, что достаточно уникально, редко встречается в других языках). Характерно, как осознается время и место героями Достоевского: в душе Раскольникова, например, происходит не только борьба философских идей, права сильного нарушать законы

человеческие, с одной стороны, и христианской идеи непротивления злу насилием — с другой, но и смешиваются временные планы, прошлое и настоящее (во сне он видит себя мальчиком, когда не смог спасти лошадь, и мы, читатели, невольно сопоставляем того мальчика перед трактиром и нынешнего студента — убийцу). Само пространство становится художественным средством создания образа: комната Раскольникова напоминала гроб, а комната Сони — светлая.

Можно привести еще много примеров, доказывающих особенность восприятия пространственно — временных отношений, нашедших отражение в мире русского слова, но здесь важно подчеркнуть одну черту — литература, живописуя отдельного человека, с его конкретной судьбой, характером, образом мысли, воссоздает картину целого поколения, конкретное становится символом общности, недаром литературоведы твердят о типическом герое, хотя каждый читатель непременно сумеет противопоставить Онегина и Печорина, Обломова и Гаева, но тип Раскольникова стал для нас символом русской интеллигенции в момент общественного раскола.

Время застывает, художественно воплощаясь в литературных героях, но сами произведения, будучи классическими, обречены на бессмертие. Удивительное противопоставление и сплав не только времени, но и героев литературы позволяют говорить о единстве культурной традиции, и русский отличается от китайца не только, и не столько, цветом кожи, антропологическими особенностями, а прежде всего культурными ориентирами, ситемой этических запретов и веками складывающимся эстетическим идеалом.

5. Реальное и воображаемое, конкретное и абстрактное,

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В РУССКОМ СЛОВЕ

субъективное и объективное в восприятии пространства и времени

Но вернемся к проявлениям категории пространства и времени. Как явствовало из предыдущего, для художественной литературы, как и для любого языка, характерно стремление в конкретном изобразить абстрактное — создать типический образ на примере характера конкретного героя, что приоткрывает систему противопоставлений не столько литературоведческого типа, сколько философского.

Противопоставление конкретного и абстрактного, иногда более абстрактного и менее абстрактного не исчерпывает всех типов антитез. Так, например, противопоставление реального и ментального пространства осознал еще М. В. Ломоносов, который в своей "Риторике" писал о том, что "вымысел есть чрезъестественное изображение предлагаемой материи" (4, т. 2, с. 182). Введение вымысла, а значит — и противопоставления рационального и физического, предполагает одновременно и введение субъекта восприятия, позиции наблюдателя, как бы обязательно наличествует введенная точка отсчета и в пространстве, и во времени.

Местоположение наблюдателя легко обнаружить, если сопоставить слова "здесь" — "там", "сегодня" — "вчера", даже "я" — "ты", а в художественном тексте возможны превращения совершенно сказочного типа, пространственно — временные представления могут серьезно деформироваться по сравнению с "обыденными". Приведу несколько примеров. В стихотворении А. С. Пушкина "Зимняя дорога" сказано: "Сквозь волнистые туманы пробирается луна..." Как будто облака неподвижны, а луна одна движется! Сравните со строкой Б. Пастернака из стихотворения "Лейтенант Шмидт": "Снег перестал, но продолжали плыть обрывки туч, как кисти балдахина", где подвижны именно облака. Столь разная интерпретация одного и

того же природного явления объясняется различием точек зрения наблюдателя, введенной им точкой отсчета — что стоит в центре внимания поэта, тучи или луна.

Интерес представляет сопоставление направленности взгляда наблюдателя, при этом явно выявляются пространственные перспективы линейного типа вверх, вниз. Проанализируем принадлежащие И. Бродскому следующие строки: "Но этот груз тебя не пустит вниз, откуда этот мир — лишь сотня башен да ленты рек..." (И. Бродский. Большая элегия Джону Донну). Не правда ли, ощущается взгляд сверху вниз? А в стихотворении М. Ю. Лермонтова — иная точка отсчета и иная направленность взгляда: "Выхожу один я на дорогу, предо мной кремнистый путь блестит. Ночь тиха..."

Взгляд наблюдателя "вырывает" из пространственно — временного континуума предметы и явления, сопоставляет их в соответствии с собственным пониманием ситуации, от наблюдателя зависит, что станет центром изображения, а что фоном, более того — один и тот же предмет разными наблюдателями может быть "увиден" по — разному. Тому много примеров в текстах художественной литературы, достаточно упомянуть поэмы А. Блока "Двенадцать" и В. Маяковского "Хорошо!", в которых по — разному оцениваются исторические события 1917 года.

6. История и современность в языке, отражающем наши представления о пространстве и времени

Коллизии взаимоотношений между пространством реальным и пространством гипотетическим, временем реальным и временем гипотетическим, — взаимоотношения, которые могут и

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В РУССКОМ СЛОВЕ

противопоставляться, и совпадать, — одна из интересных областей изучения функционирования слова в текстах разных жанров, как современных, так и удаленных от нас многими столетиями.

Еще великий Вильгельм фон Гумбольдт более 150 лет назад писал о том, что человеческий язык не только выполняет роль посредника между людьми в акте коммуникации, но и формирует интеллектуальные способности человека, отражая его видение действительности (5, с. 83). В каждом языке проявляется его удивительное свойство: с одной стороны, язык диктует свои законы грамматического употребления каждого слова в соответствии с его значением, и мы, пользователи, обязаны подчиняться этим законам, но, с другой стороны, мы имеем возможность творчески относиться к языку, формируя уже по своему желанию высказывание, в котором отражается собственный взгляд на ситуацию, весь окружающий мир.

Парадоксальное соединение свободы высказывания и ограничения свободы законами языка не единственный парадокс языка. Здесь мы будем рассуждать о двух других парадоксах языка — противоречии и закономерном сочетании в слове исторического и современного, а также соединении того, что характеризует индивидуальность народа, его историческую судьбу в пространстве и времени, и, с другой стороны, того, что объединяет один народ с другими народами, потому что человек остается человеком, вне зависимости от цвета кожи, уровня развития цивилизации, климатических условий проживания или типа общественного устройства.

В чем же проявляются индивидуальные и типичные черты языка на примере русского слова? Каким образом соединяются прошлое и настоящее в русском слове? Как стираются временные рамки разных 'пох в значении слова? Что в языке "перешагивает" временные рамки

и что неминуемо должно кануть в лету? На эти вопросы мы и постараемся ответить.

Разберем несколько примеров.

7. Имя. Типы и происхождения имен

Первое, что выделяет человека среди других людей, — это имя, которое, однако, дается в соответствии с правилами, принятыми в данную историческую эпоху. Прежде существовал строгий закон: имя ребенку давалось священником, выбиралось имя из списка имен в Святцах, отсюда и наша традиция справлять не только дни рождения, но и именины, то есть день святого или святой, чье имя носит человек. Так, например, 30 сентября справляли именины те, кто носил столь много говорящие для каждого русского именина Вера, Надежда, Любовь. Прекрасный обычай, во многом, к сожалению, отошедший в прошлое, — сейчас можно встретить русскую женщину с претенциозным именем Виолетта или Джулия, что еще сто лет назад было невозможно для православной русской женщины. Существует много словарей личных имен, среди них можно упомянуть "Словарь русских личных имен" Н. А. Петровского (6) — словарь, в котором собраны 2600 распространенных имен, вышел в свет в 1966 году.

Имя для наших предков было определенным защитником, означало покровительство того святого, чье имя носил человек, и хотя не только мы, но и наши предки забыли толкования многих имен, однако значение некоторых довольно прозрачно: таковы упомянутые выше Вера, Надежда, Любовь или Виктор — "победитель", Геннадий — "рожденный", Ирина — "мир". Интересно, что происхождение имен также может многое сказать об истории русского народа: много

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В РУССКОМ СЛОВЕ

имен по происхождению древнегреческие или заимствованные из иврита, языка древних евреев. Объяснение этому очень простое – тексты Библии, священной книги христиан, пришли к нашим предкам в переводе с древнегреческого языка на старославянский, язык древних болгар, по одной из гипотез лингвистов и историков, а тексты Ветхого Завета, части Библии, были записаны более 2 тысяч лет назад по–древнееврейски, а затем были переведены на древнегреческий язык. Поэтому и история как бы соединила священным текстом Библии три языка – древнееврейский, древнегреческий и славянский язык, прямым потомком которого и является русский язык.

Многие имена не только утратили для нас свою значимость, но и "сошли с арены", перестали употребляться. Великолепное, звучное имя Прасковья по происхождению греческое слово, означающее "приготовление", потому что означало пятый день недели перед субботой, священным днем для христиан, впоследствии слово стало женским именем, а на Руси и поныне можно встретить храмы в честь "святой Параскевы – Пятницы". (Невольно всплывают в памяти строки из романа А. С. Пушкина "Евгений Онегин", в котором сказано о матери главной героини, что она "звала Полиною Прасковью", потому что ей казалось неблагозвучным имя Прасковья, слишком простонародным).

Наиболее важными для русского человека, как для любого, воспитанного в традициях христианской цивилизации, оказываются имена, упомянутые в Библии. Н. М. Шанский в статье "Личные имена Евангелия в русском языке" (7) убедительно показывает, какие глубины скрыты за привычными для нас именами. Позвольте привести несколько примеров.

Во–первых, важен сам список распространенных в настоящее

время личных имен, по происхождению церковнославянских, хотя часто переработанных, фонетически видоизмененных: Алексей, Анастасия, Анатолий, Андрей, Анна, Артем, Афанасий, Анатолий, Валентин и Валентина, Варвара, Василий, Вера, Георгий, Дарья, Дмитрий, Дорофей, Евгений и Евгения, Евдокия, Егор, Елена, Елизавета, Ефим, Иван, Илья, Кирилл, Константин, Кузьма, Любовь, Лука, Макар, Максим, Мария, Марфа, Михаил, Надежда, Наталия, Никита, Павел, Петр, Семен, Сергей, Татьяна, Тимофей, Федор, Филипп, Юрий, Яков и др.

Издавна в представлении иностранцев Россия была страной Иванов и Марий, и, действительно, оба имени имели широкое распространение среди всех социальных слоев населения: был царь Иван 4, по прозванию Грозный, фамилия Иванов, что значит "относящийся к роду Ивана", "принадлежащий Ивану", до сих пор самая распространенная русская фамилия, героинь произведений русских писателей с именем Мария можно перечислять довольно долго (Мария в "Бахчисарайском фонтане" Пушкина, княжна Марья Болконская в романе Л. Толстого "Война и мир"), есть и растение с таким русским, ласковым названием Иван – да – Марья.

Вот что пишет Н. М. Шанский о происхождении этих имен в уже упомянутой статье: "Мать Иисуса Христа носила имя Мария... По происхождению это церковнославянизм, восходящий к греч. Maria, которое, в свою очередь является переоформлением др. – евр. Мариам" (7, с. 46). этимология имени Мария, как сказано в статье Шанского, до сих пор вызывает научные споры: одни толкуют это имя как производное со значением "высокая", "возвышенная", другие – как "горькая", третьи – как "отвергающая, противящаяся" (7, с. 46). Из того, что мнения ученых расходятся, причем очень существенно, можно сделать еще и тот вывод, что для

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В РУССКОМ СЛОВЕ

наших далеких предков имя Мария не было "говорящим", оно потеряло свою производность, прозрачность толкования, поэму – то такой сложной оказалась задача ученых – этимологов.

Значение имени Иван, в отличие от имени Мария, довольно легко объяснить: в русский язык вошло это имя из греческого языка, который, в свою очередь, заимствовал его из древнееврейского, где Йоханан имел значение "Божья благодать, Божий дар" (7, с. 47). Русское Иван является переоформлением церковнославянизма Иоанн (наверное, именно так, уважительно, и следовало именовать русского царя, в отличие от героя произведения А. Толстого "Петр 1", – этого героя вначале, несмотря на почтенный возраст, именовали Ивашкой, а уж впоследствии, когда сам царь выступал сватом младшей дочери, никто не смел так называть удачливого купца Ивана Бровкина).

Приведем списком несколько имен с их этимологией. Андрей – от греческого слова со значением "мужественный, смелый", Петр соотносится с греческим словом, обозначающим камень, Филипп – от греческого сложного слова со значением "любящий лошадь", Александр – от сложного греческого слова со значением "защищающий мужчину" (странно, что это имя бытует у нас в двух вариантах – мужском и женском: как же можно, зная этимологию, давать такое имя девочке?), Анна – от древнееврейского слова со значением "красота, грация", Елизавета – церковнославянская обработка греческого слова, которое, в свою очередь, заимствовано из древнееврейского языка, где слово имело значение "клянущаяся Богом".

Конечно, хорошо было бы, если бы данное человеку при рождении имя управляло его судьбой, "лепило бы" характер. Тогда бы все Ксении были бы гостеприимными, Владимиры управляли бы народами, а Елены излучали свет. Легко убедиться, что

действительность противоречит такому предположению. Более того, может быть, и не плохо, что человек сам оказывается ответственным за свой характер. Представьте себе, как тяжело приходится чукче, который, несмотря на имя (обычно русское) в паспорте, откликается на имя родного языка, — имя, на самом деле отражающее характер человека, и все сразу знают, что тот человек ленивый, а этот вспыльчивый, и если меняется характер человека, то ему дают новое имя, в котором как бы закрепляются новые особенности его нынешнего поведения и характера.

Фамилия, как и имя, также символизирует традицию и одновременно включает человека, носителя фамилии, в определенные парадигмы соотношений и ассоциаций. Удивителен список фамилий персонажей исторического романа Алексея Толстого "Петр 1" типа Федька — умойся — грязью! Алексей Толстой точно воспроизвел эпоху — такой вывод можно сделать с уверенностью, потому что в грамотах 15—17 веков можно встретить имена — прозвища такого же типа: "А руку к сему приложили монастырский детеныш Медведко Филиппов, да дети его Тимофей, да Кот, да Комар Медведковы". (Для современного читателя следует пояснить, что Филиппов вовсе не фамилия, а, как бы мы сейчас сказали, отчество, то есть Медведко, сын Филиппа. Кроме того в приведенном отрывке грамоты примечательны сами имена Медведко, Кот и Комар, столь напоминающие наши прозвища, но в ту эпоху функционировавшие как полноценные имена).

Похожая ситуация в известной каждому русскому мальчику и девочке книге Н. Носова "Приключения Незнайки и его друзей", в которой такой своеобразный список фамилий: Пилюлькин, Торопыжка, Винтик, Знайка, да и сам Незнайка. Легко догадаться, каковы особенности характера героя, по его фамилии, которая

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В РУССКОМ СЛОВЕ

функционирует как прозвище. Недаром писатели уделяют большое внимание имени и фамилии персонажа, причем не всегда "ключ" к характеру, воплощенный в фамилии, так просто отгадывается, как в повести Носова. Например, определенным было требование классицистов к выбору фамилии героя, поэтому в комедии Д. Фонвизина действуют Простакова, Милон, Правдин, Цифиркин, так же понятны читателю фамилии Репетилов, Скалозуб, но требуют комментария фамилии Чацкого или Фамусова, героев комедии А. Грибоедова "Горе от ума". Загадку фамилии *Фамусов* поможет разгадать английское famous, что значит "знаменитый", "всем известный", вполне в соответствии с репутацией героя комедии Грибоедова, а фамилию *Чацкий* можно было бы записать "Чадский", то есть "находящийся в чаду" — и тайна Адександра Андреевича также приоткрывается любознательному читателю (в романе Ф. М. Достоевского "Бесы" о Шатове сказано, что он "бормотал бессвязно, чадно и восторженно", тоже как бы был в чаду, когда рассуждал о самозарождении, самотворении жизни, — удивительно похожи и такие разные герои Грибоедова и Достоевского, а слово, как ключ к замку, одно).

Гораздо более сложными оказываются для интерпретации фамилии героев Ф. М. Достоевского. Например, в романе "Преступление и наказание" Раскольников символизирует внутренний раскол идей, борьбу противоречивых теорий "права сильного нарушать человеческие законы", с одной стороны, и христианской идеи "непротивления злу насилием", с другой, — об этом и сам роман, потому — то выбрана такая фамилия для персонажа. Недаром своеобразным воплощением мудрости христианской идеи становится Сонечка Мармеладова, ведь имя Софья (София) означает "разумная" (определенная ирония заключена

в имени главной героини упомянутой комедии Грибоедова "Горе от ума", — героини, тоже носящей имя София, но ведь название пьесы относится не только к судьбе главного героя Чацкого, но и главной героини Софии: она тоже терпит горе от своего ума, обманувшись в Молчалине, ее ум, не сумевший оценить Чацкого, приносит горе, действительно — горе — от ума!).

Интересны причины, определившие выбор фамилий и имен в произведениях А. С. Пушкина: в поэме "Руслан и Людмила" действуют романтические герои со столь же романтическими именами (Ратмир, Руслан). В романе же "Евгений Онегин" автор специально заостряет наше внимание на имени, представляя главную героиню:

Ее сестра звалась Татьяна...

Впервые именован таким

Страницы нежные романа

Мы своевольно освятим.

Надо сказать, что в имени Татьяна на самом деле явно ощущается аура "русского духа" — действительно, используя слова самого поэта, можно сказать: "...там русский дух, там Русью пахнет", и хотя сама Татьяна не слишком хорошо знала русский язык, а потому — то и писала, в соответствии с обычаями того времени, письмо Онегину по-французски, но, что гораздо важнее, русская народность проявлялась в высокой нравственности поступков героини романа, именно так оценивал поведение Татьяны в заключительной сцене романа В. Г. Белинский, и действительно для многих поколений русских людей своеобразным эталоном служит поведение Татьяны, когда она говорит Онегину:

Я вас люблю (к чему лукавить?),

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В РУССКОМ СЛОВЕ

Но я другому отдана,
И буду век ему верна.

В скобках можно было бы заметить, что в романе Пушкина есть определенный казус, который, однако, совершенно закономерен. Речь идет об имени другой героини — Ольги, антипода Татьяны: младшая дочь в семье Лариных, как известно, была легкомысленной девицей: она дала повод для дуэли Онегина и Ленского; недолго оплакивала она погибшего поэта. Но само имя Ольга пришло к нам от варягов, в языке которых 'то слово значило "святая". Но нам не в чем упрекнуть Пушкина, потому что со временем стирается значимость имени, оно функционирует, без опоры на некогда существовавшее значение, имя теряет связи со своими "родственниками", однокорневыми словами, по'тому и автор "Евгения Онегина" использовал имя Ольга, не воспринимая его значение.

Анализируя историю имен собственных, можно с уверенностью утверждать, что время как бы коллапсируется в антропонимах, "оживление" имени — предмет поэзии, средство создания художественного образа для многих писателей. По имени мы воспринимаем человека, соотнося его с определенной культурной традицией, а значит — с местом в культурном континууме.

8. Историзмы и архаизмы как зеркало прошедших 'пох

Время ощущается не только в истории личных имен, в словах, непосредственно называющих элементы темпорального поля (таких, ○ как *час, воскресенье, месяц, год*, само слово *время* и многие, многие другие), ;о время вторгается в жизнь языка, преобразуя значения слов, можно сказать, что каждый день, каждая эпоха вносит

свои изменения, и мы подчиняемся велению Времени. Отчетливо заметно это влияние на примере текстов классических произведений, таких, например, как комедия А. С. Грибоедова "Горе от ума". Как и предсказывал знаменитый тезка Грибоедова Александр Сергеевич Пушкин, половина текста комедии стала пословицами, но так ли понятен нам, живущим в конце 20-го века, текст бессмертной комедии?

Прежде всего трудны для восприятия историзмы – слова, обозначающие реалии прошедшей эпохи и ныне не существующих. Например, во втором действии Фамусов говорит с почтением:

Покойник был почтенный камергер,
С ключом, и сыну ключ умел доставить.

О каком ключе идет речь? Каков ранг камергера? Уверяю вас, это трудные вопросы для большинства русских, и только специалисты – историки (8) могут прояснить ситуацию и дать следующее разъяснение: во – первых, слово "камергер" обозначало придворное почетное звание (степенью выше камер – юнкера), а также лицо, имеющее такое звание. Во – вторых, камергеру полагалось носить мундир, украшением которого и был золотой ключ, символизирующий особое доверие со стороны царской фамилии, – как бы ключ к покоям царя. Этот ключ, как сказано в словаре Академии наук 1847 года, был украшен голубым бантом, прикреплялся ключ к заднему левому карману мундира специальной пуговицей.

Но если слова – историзмы сразу обращают на себя наше внимание и для того, чтобы понять их, мы непременно обратимся за помощью к специалистам, то очень обманчивы семантические архаизмы – слова, которые на первый взгляд кажутся понятными,

тем более что может устаревать только одно из значений слова. Об этом, в частности, писал В. В. Виноградов, анализируя именно комедию А.С.Грибоедова "Горе от ума":

"Особенно много недразумений вызывает истолкование и понимание самых простых слов в строе литературного произведения, имеющих за собою длинную историю употребления. Обычно читатель, встретив такое слово у писателя 18 и даже 19 века, вкладывает в это слово привычный, современный смысл. Иногда общий смысл фразы как будто не противоречит такому пониманию.

Например, в "Горе от ума" Грибоедова Лиза дает такую характеристику Скалозубу: "Да—с, так сказать, речист, а больно не хитер".

Кажется естественным понять в этом ироническом контексте слово *речист* в значении: болтлив, говорлив. Так, например, это сделал составитель статьи о слове *речистый* в "Толковом словаре русского языка" под ред. Д. И. Ушакова. Однако здесь же и открывается ошибочность такого истолкования...

Действительно, в русском литературном языке 18 и первой половины 19 века слово *речистый* имело два значения. Одно — высокое, церковнославянское, уже отмиравшее к началу 19 века: красноречивый... Второе же, живое и широко распространенное в литературном языке 18 и первой половины 19 века значение определяется так: "имеющий ясное, чистое произношение. *Речистый выговор.*" *Речистый* был антонимом слова *косноязычный*. Таким образом, Лиза подчеркивала чеканную, по—военному четкую, внушительную манеру речи Скалозуба, а не находила в этом ясном и чистом выговоре, в этой самоуверенности речи блесков ума..." (9, стр. 240—241).

Подтверждение высказанному В. В. Виноградовым — толкование

известных строк Священного писания: "Аще изумляются, то не зазри иемь", где *не зазри* "не презирай", недоумение может вызвать именно глагол *изумлять*. Но все встает на свои места, если обратиться к словарю церковнославянского языка, и станет понятным, что у глагола *изумлять* было некогда значение "сойти с ума". Потому и строка Священного писания значит "Если лишаются рассудка (люди), то не презирай их".

9. Топонимы. Происхождение и значение топонимов

Однако, при всей взаимосвязанности выражения пространства и времени, речь должна идти не только о времени, но и о пространстве. Естественно, рассуждая о пространстве, анализировать прежде всего слова, обозначающие местонахождение, прежде всего географические названия, которые в отличие от имен людей, называются топонимами, а наука, изучающая топонимы, — топонимикой.

Мы, сами того не замечая, живем в мире топонимов, без них не мыслима коммуникация, передача сообщений. Вопросы где?, куда?, откуда? преследуют нас, без ответа на них мы можем оказаться в положении героини Льюиса Кэррола — Алисы, потерявшей пространственные ориентиры, где верх, где низ. Интересно еще и то, что топонимы могут многое рассказать об истории нашего народа.

Мы привыкли к тому, что города, деревни, улицы имеют имена, а иногда и меняют их. Конечно, сама смена топонимов происходит по экстралингвистическим причинам, то есть не зависимо от языка: такова, например, история названия одной из главных улиц Москвы — Тверской, которую до недавнего времени называли улицей Горького, а теперь вернули улице старое название, в чем, конечно,

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В РУССКОМ СЛОВЕ

неповинен великий русский писатель Алексей Максимович Горький, так великолепно описавший судьбу интеллигенции на стыке веков в романе "Жизнь Клима Самгина". Но история России и топонимика Москвы — это тема другой книги, а мы вернемся к пространственно — временным отношениям, получившим отражение в языке.

Разбор некоторых примеров кажется очень поучительным, потому что позволяет по — новому взглянуть на устоявшиеся представление, даже доказать ошибочность некоторых из них. Например, мы привыкли называть русскую нацию и страну великой, есть даже течение великороссов, отстаивающих великую Россию, поэтому и имена Великороссия и Малороссия воспринимаются как противопоставление *большой* и *маленький*. Должна разочаровать великороссов, потому что *малый* раньше значил "центральный", а *великий* — "вновь завоеванный, еще не обжитый", другими словами, Великороссия — "недавно заселенные земли, только что освоенная территория", а Малороссия, к великой радости Н. В. Гоголя, — "центральная Россия". В свою очередь Белоруссия значит "земли на западе от центра".

Кстати во многих языках развита омонимия слов со значением цвета и пространственного ориентира. Как следует из приведенного примера, у славян *белый* имел значение "западный", а у предков тюрков *белый* соотносился с южным направлением, а слово со значением "черный" могло приобретать значение "северный". Теперь станет понятно, почему река на севере называлась (да и сейчас, наверное, называется) в Ташкенте *Карасу*, что значит вовсе не "черная вода", как можно подумать, так как *кара* — "черный", а "река на севере".

Если выделить наиболее древний пласт топонимов, то можно с

уверенностью сказать, что достаточно однотипно происходило название: река — просто вода, город — просто огороженное место, даже названия народам давали — просто "люди". Не верится? В этом легко убедиться. В настоящее время (кстати, почему мы говорим "настоящее", как будто прошлое или будущее — не настоящее, а выдуманное, надуманное, придуманное, целый ряд получился однокорневых, но с такими разными оттенками значениями слов), безусловно, разные реки носят столь на первый взгляд отличные названия: Дон, Днепр, Днестр, Дунай, Москва, Ганг и уже упомянутая Карасу. Первые четыре названия по происхождению из языка древних скифов (помните стихотворение А. Блока?), народа, некогда кочевавшего по бескрайним просторам от Дуная до Днепра, а в родственном вымершему языку древних скифов — в осетинском языке — и сейчас *дон* значит "вода". Ганг, как и Рейн, знаменитые реки Индии и Германии, носят имя с одним и тем же значением — "вода".

Наиболее сложное для толкования слово *Москва* как название реки (поселение, а затем и город, естественно, названы по имени реки, поэтому совсем не трудно ответить на вопрос, каково происхождение названия города, столицы России), но одно из предположений заключается в следующем: *Москва* значит "мокрая вода".

Последнее из упомянутых выше названий рек *Кара-су* также имеет в своем составе корень — слово со значением "вода" (*су* значит "вода").

Называние народов столь же поучительно. Некоторые слова достаточно прозрачны в своем толковании, хотя тоже достойны упоминания: например, *немцы* значит "немые", "говорящие не по — нашему". А вот строка из стихотворения А. Блока: "Чудь начудила, да

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В РУССКОМ СЛОВЕ

мерь намерила..."; где поэт соединил такие сходные по звучанию, но такие разные по значению слова — *чудь* и *чудить*, *меря* и *мерить*. Чудь — одно из финских племен, в течение долгого времени соседствовавшее с предками современных славян. Возможно, слово *чудь* по происхождению из готского языка, языка германского племени, и значило это слово "чужой" (поэтому — то современное русское *чудить* — "делать по — чужому, не так"), так что *немцы* и *чудь* суть одно и то же — "чужие". А *меря* значило "мужчина", "человек", таким образом меря — народ значит "люди".

10. Типы психологического поведения человека при номинации

Люди — странные существа: им не достаточно просто быть сытыми, иметь крышу над головой и защиту от холода — они, кроме всего прочего, что отличает человека от всех других существ, все называют, дают имена предметам, явлениям, даже тому, чего нет на самом деле. Еще Лев Успенский (10, 451) в доказательство такой странности представителей человеческого рода приводит эпизод из книги Жюль Верн "Таинственный остров": прежде чем отправиться в обратный путь, инженер Смит предложил "окрестить" остров, все мысы, отмели и речки, которые были на острове.

Писатель — фантаст удивительно достоверно воспроизвел типы психологического поведения "номотета", то есть человека, дающего новое имя. Прежде всего предлагается "переименовать", то есть присвоить свое имя или имя, всем известное, новому явлению (так предложил сделать Герберт — назвать своими именами, а потом Геден Спилетт вовсе не противоречил Герберту, когда у него возникла идея использовать имена, напоминающие далекую родину). Следующее предложение — использовать имена, которые

описывали бы то, что называют, — принадлежало Смиту. Именно таким образом поступили, когда давали имена горам и вулканам на ставшей "видимой" стороне Луны: цирки Циолковский и Кеплер, остров Линкольна, а на другой стороне Луны — "Море вздохов", "Море спокойствия". "Океан бурь".

Подводя итоги рассуждению о пространственно — временных отношениях, получивших отражение в языке, можно сделать следующие выводы. Время откладывает свой отпечаток на язык, и даже тексты классических произведений подвержены влиянию ветра перемен, каждое поколение видит, понимает текст по — своему, но при всей изменчивости языка остается то, что всегда, надеюсь, будет сближать поколения русских — останется великий, могучий русский язык, язык Грибоедова и Бунина, Чехова и Пастернака, Достоевского и Набокова. Всегда, воспитанный в культурной традиции русской нации, человек, где бы он ни находился, с помощью волшебного слова родного языка преодолет пространство и время и найдет поддержку и опору в стихии родной речи, в прекрасных образцах русской литературы.

Литература:

1. Чернейко Л. О. Способы представления пространства и времени в художественном тексте. Филологические науки. 1994, 2.
2. Лотман Ю.М. В школе поэтического слова. М., 1988.
3. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
4. Ломоносов М. В. Избранные произведения. В 2 томах. История, Филология, поэзия. М., 1986.
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
6. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. М., 1966.
7. Шанский Н. М. Личные имена Евангелия в русском языке.

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В РУССКОМ СЛОВЕ

"Русский язык в школе", 1, 1995.

8. энциклопедический словарь Брокгауза и эфрона в 85 томах. М., 1890 – 1914.

9. Виноградов В. В. Проблемы русской стилистики. М., 1981.

10. Успенский Л. В. Слово о словах. Имя дома твоего. Л., 1974.